

© 1998 г., ЭО, № 3

М.Н. Губо г л о

ЭТНОЛОГИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ. К ИТОГАМ РАБОТЫ ВТОРОГО КОНГРЕССА ЭТНОГРАФОВ И АНТРОПОЛОГОВ РОССИИ (УФА, 1–5 июня 1997 г.)

1. Смотр сил

Вместо традиционных в прошлом ежегодных сессий, посвященных итогам полевых этнографических исследований, в России сложилась новая форма творческого содружества специалистов в разработке актуальных этнических проблем – конгрессы этнографов и антропологов России, проходящие раз в два года.

Богатый опыт первого (Рязань, 1995) и особенно второго (Уфа, 1997) конгрессов дает основания для выводов о важнейших направлениях современной этнологической мысли и о том, в каком состоянии находится отечественная наука о народах России и всего мира.

Казавшееся вначале обоснованным мнение о предметной области этнографии как о тающей льдине, исчезающей под обжигающими лучами современной модернизации, похоже, рассеивается. Более того, победа либерально-демократической идеологии под знаменами этничности и национализма над коммунистической идеологией с ее интернационализмом разрушила представление не только об «окончательном решении национального вопроса», но и о том, что вместе с «новым мышлением», «концом мировой истории» и «общечеловеческими ценностями» якобы наступит эра бесконфликтности. Окончание холодной войны между великими противоборствующими системами и идеологиями открыло возможности для новой фазы масштабного выяснения отношений. Межсистемное и межидеологическое противостояние перетекло на внутрисистемный и межнациональный уровень. Попытка российских реформаторов-вестернизаторов «галопом по Европам» отказаться от коллективизма, в том числе от этнической солидарности, в пользу индивидуализма, стать в один ряд с развитыми странами Запада, а также создать с помощью таких технологий, как «шоковая терапия», «ликвидация берлинской стены», «революция вестернизации», всемирную ассоциацию миролюбивых и дружественных народов, провалилась. Запад остался Западом, Россия не стала в одночасье Западом. В подводной части айсберга технотронной цивилизации, интеллектуальных космических технологий, интернетных коммуникаций оказались живучими глубокие различия между этническими общностями, идеологиями, психологиями, религиями. Этнические различия, и особенно значение этих различий, на долгие годы оставленные в тени советской этнографией и другими дисциплинами, имеющими дело с национальными и межнациональными отношениями, вышли на передний план, стали предметом жгучего интереса.

Этот сдвиг в сторону актуализации этнического фактора вызвал глубокий, пока еще неудовлетворенный интерес к этничности, а также к создаваемой ее мобилизованными формами опасной неустойчивости межнационального и международного порядка. Неслучайно в опубликованной к началу Второго конгресса этнографов и антропологов России коллективной монографии «Ресурсы мобилизованной этничности» (Москва: Уфа, 1997 – при финансовой поддержке РГНФ); серьезное внимание было обращено на необходимость систематического и более глубокого изучения соотношения и взаимодействия звеньев в цепи: **этнические различия – этнические противоречия – этнические конфликты**. И столь же неслучайно, что именно такая постановка вопроса вызвала противодействие со стороны некоторых этнографов-традиционалистов, а также новых теоретиков, претендующих на роль лидеров в постсоветской истории

башкирского национального движения. Внимание этнологии к новым аспектам этничности¹, понимание ее функций и механизмов, а также ресурсов и движущих сил этнической мобилизации серьезно обеспокоили этнических лидеров, озабоченных судьбой своего этноса и забывающих о том, что каждый этнос тысячами нитей связан с другими этносами, имеющими к тому же свои национальные интересы. Победа мобилизованной этничности над коммунистической идеологией и наметившийся разрыв с принципами демократии вызвали к жизни потребность в разработке более глубоких концепций этнического конфликта², его предпосылок, механизмов предотвращения, правовых и политических средств преодоления. Вызовы³ более жесткого, чем в советские времена, самоопределения по оси «мы» и «они», попытки радикального этнического самоутверждения в многообразных формах гражданских, национальных и национально-культурных движений, о чем убедительно свидетельствуют более 7 десятков книг, очерков, документов и материалов, опубликованных Центром по изучению межнациональных отношений Института этнологии и антропологии РАН (проект «Национальные движения в СССР и в постсоветском пространстве»), очередной крутой поворот от интернациональных идеологических догм к этническим ценностям, некомпетентный, ослепленный этноцентризм потребовали решительного расширения предметной области этнологических исследований. К сожалению, эта общественная потребность оказалась в роковом противоречии с возможностями государства по оказанию финансовой поддержки теоретическим и особенно полевым этнографическим исследованиям. Даже крылатая фраза В.С. Черномырдина «хотели, как лучше, а получилось, как всегда», непригодна в качестве характеристики современного состояния этнографии, так как именно фундаментальная наука, в том числе и этнология, оказалась падчерицей для посткоммунистических реформаторов, увлеченных шоковой терапией и равнодушных к судьбе России и российской науки.

2. Этнологическая мобилизация

Оказавшись беспризорной, этнология, как сирота, вынуждена была мобилизоваться. Для выживания нужны были не только деньги, но и новые формы самосохранения, новые источники и ориентиры саморазвития.

Одной из таких форм саморазвития стало создание по инициативе директора Института этнологии и антропологии РАН В.А. Тишкова Ассоциации этнографов и антропологов России. Двойное освобождение постсоветской этнографии – от прежнего идеологического обруча, и от финансовой зависимости – толкнуло специалистов на путь поиска новых инициатив, стратегий и тактик. В Уставе этой ассоциации, Учредительный съезд которой состоялся шесть лет тому назад (Саранск, 1992), были определены ее цели и задачи. Коротко говоря, они состояли в том, чтобы объединить и скоординировать усилия исследователей и исследовательских организаций, имеющих отношение к науке о человеке и о народах. В качестве приоритетных задач ассоциации были выделены научные, политические и пропагандистские задачи: 1) содействие исследователям в области этнографии, фольклора и антропологии; 2) содействие в проведении в жизнь политики мира и дружбы народов всего мира, взаимопонимания, сотрудничества народов России и других стран в борьбе против расовой, национальной, религиозной и любой другой формы нетерпимости, дискриминации и исключительности; 3) пропаганда знаний о народах и странах мира, а также достижений этнографической и антропологической науки среди научных и широких кругов общественности России и других стран. Первым президентом Ассоциации был С.А. Арутюнов, вторым – Р.Г. Кузеев, третьим президентом Ассоциации на конгрессе в г. Уфе был избран автор этих строк. Ассоциация этнографов и антропологов России как общественное объединение специалистов взяла на вооружение ряд новых организационных принципов. Так, по замыслу В.А. Тишкова в организации рабочих заседаний конгресса большую роль должны играть сами этнографы и антропологи. В первом информационном письме по подготовке конгресса в г. Уфе он внес предложение формировать структуру и тематику конгресса по предложениям самих ученых. На первом этапе организаторы конгресса обратились к коллегам, имеющим опыт участия в конгрессах, конференциях и симпозиумах, с просьбой предложить свои кандидатуры в качестве руководителей секций (тематических заседаний, круглых столов), а также злободневные проблемы для обсуждения. На втором этапе руководители секций совместно с оргкомитетом должны были принять участие в составлении программы этих заседаний. Такой подход позволил бы сформировать программу конгресса более полно, учитывая современные тенденции науки, а также интересы участников конгресса.

К сожалению, эта идея самоуправления в отдельных структурных подразделениях конгресса продвигалась с большим трудом. И дело не только в том, что прежде всю организационную работу по

подготовке ежегодных сессий этнографов брал на себя бывший Институт этнографии СССР или созданный Оргкомитет, а и в сложившейся сегодня финансовой неопределенности. У многих коллег из академических учреждений и университетов еще нет достаточного опыта, желания и навыков индивидуального обращения в российские и зарубежные фонды с просьбой выделить средства для реализации исследовательских проектов и проведения самостоятельных научно-организационных мероприятий. Конгресс удалось провести благодаря, во-первых, существенной финансовой поддержке, оказанной правительством, Президентом Республики Башкортостан М.Г. Рахимовым, во-вторых, коллективному гранту, выделенному Российским Гуманитарным Научным Фондом (РГНФ), в-третьих, поддержке тем же фондом заявки Н.А. Томилова (г. Омск) на проведение в рамках конгресса автономно работающего семинара по теме «Интеграция археологических и этнографических исследований», в-четвертых, Восточному институту экономики, гуманитарных наук, управления и права (Восточный университет, Уфа) при финансовой и организационной поддержке которого были опубликованы резюме докладов и сообщений участников конгресса в 2-х томах.

И хотя конгресс не удалось провести полностью по новой модели, все же был сделан существенный шаг на пути к самоуправлению. Для удобства написания отчетов и более полного представления о содержательной стороне дела некоторые круглые столы, проблемные заседания, семинары были объединены в 19 тематически ориентированных секций и сгруппированы в так называемую «таблицу Менделеева», с помощью которой удалось расставить работу структурных подразделений конгресса таким образом, чтобы его участники могли максимально удовлетворить свои профессиональные интересы и любознательность.

На заключительном пленарном заседании конгресса неоднократно звучали слова благодарности и признательности прежде всего президенту и правительству Республики Башкортостан, а также представителям оргкомитета, сумевшим найти нужные финансовые средства. Тем не менее сложившаяся реальность требует от каждого специалиста умения самомобилизоваться для более активного участия в организационной стороне дела при подготовке очередных конгрессов общероссийского и международного масштабов.

3. Этнология и антропология: Меняющиеся контуры предметной области

Неиссякаемый интерес к проблематике, границам предметной области и основным направлениям исследований вполне понятен, так как от ответов на эти вопросы зависят по сути дела состояние и судьба самой науки: быть ей или не быть.

На пленарные заседания были вынесены три доклада, в которых ставились и рассматривались фундаментальные вопросы современной этнологии и антропологии. Это доклады директора Института этнологии и антропологии РАН В.А. Тишкова: «Современная Россия и российская этнология», председателя Музейного совета РАН Т.И. Алексеевой «Современные направления в российской антропологии» и руководителя Центра по изучению межнациональных отношений (ЦИМО) ИЭА РАН М.Н. Губогло «Деинфантилизация этничности», а также лекция «Этнос и история», с которой выступил заведующий Отделом народов Урала с Музеем археологии и этнографии (Уфа) Р.Г. Кузеев на заключительном пленарном заседании Конгресса. По его мнению, события второй половины и конца XX в. показали, что национальный вопрос – самостоятельный фактор современной истории.

Следовательно, перед этнологией встает необходимость обновленного изучения феномена этничности. Общество заинтересовано знать подлинную роль этноса и этнических процессов в истории и в современности. Оно ждет прогностические анализы на будущее: является ли взрыв этничности конца XX в. эпизодом в истории, случайностью или это постоянный, а то и возрастающий фактор истории? Каков механизм этнических (этнокультурных, этносоциальных, этнополитических) процессов и каковы факторы воздействующие (мобилизующие или подавляющие) на эти процессы? Каково соотношение этноса и государства, особенно в современную эпоху? Актуальной является проблема взаимодействия современных процессов демократизации, гражданских и этнокультурных движений. Возможно ли «окончательное» решение национального вопроса в современной России? В лекции Р.Г. Кузеева обращено внимание на общие (общечеловеческие) фазы развития этничности, связанные с изменениями в соотношении коллективного и индивидуального мышления и поведения в обществе, и на региональные (континентально-евразийские) особенности этногенетического и этнокультурного становления и развития народов.

Общие проблемы этнологии и антропологии рассматривались также на секционных заседаниях. Это выступления московских ученых С.А. Арутюнова «Этнология этнологии», В.Н. Басилова «Традиции отечественной этнографии», Н.А. Дубовой «Еще раз о предмете, задачах и методе этнической

антропологии», А.А. Никишенкова «Постмодернизм и научная традиция. К проблеме взаимопонимания западной антропологии и российской этнологии», С.В. Соколовского «Современные течения отечественной антропологической мысли: натурализм, инструментализм, конструктивизм», омского ученого Н.А. Томилова «Этническая история как научное направление», а также вашигтонского ученого М. Балзера «Наследие или радикальный перелом? Постсоветская этнография и этнология».

Квалифицируя современное состояние этнологии как кризисное, В.А. Тишков выделил его признаки и критерии и предложил в качестве выхода из сложившегося тупика несколько новых направлений исследовательских поисков. Современные интересы и приоритеты российской науки, по его мнению, определяются как внутренней логикой саморазвития, так и общественно-политической ситуацией в стране. Наиболее перспективными направлениями и задачами отечественной этнологии В.А. Тишков считает следующие: распространение среди научной общественности широкого понимания социальной антропологии (или этнологии) как науки и создаваемых ею культурных и социальных форм в исторической и современной перспективах. В связи с этим крайне актуальными представляются такие научные направления, как, например, антропология тотальных систем массовой культуры и потребления, войны и насилия, развития и кризиса, глобализма и партикулярности. Наряду с дальнейшим изучением этногенеза и развитием этнографического музееведения не менее значимо – изучение политических проекций этноисторических интерпретаций, антропологии музеев и других публичных презентаций культуры⁴.

Судя по пленарным и секционному заседаниям и особенно состоявшимся дискуссиям, важное место в предметной области этнологии приобретает целенаправленное изучение этничности. Неслучайно в первые годы постсоветской истории появилось немало работ, посвященных тем или иным формам и тенденциям проявления этничности и идентичности⁵. Более того, этот интерес укрепляется и в наши дни⁶.

В какой бы концептуальной нише ни рассматривать этничность, – **примордиалистской** (когда этничность исконно задана) или в **инструментально-конструктивистской** (когда этничность воспринимается как «внутренний референдум» или как «интеллектуальный продукт»), вряд ли можно отрицать тенденции ее актуализации и коллективной мобилизации в новейшей истории, особенно ярко проявившие себя накануне и в первые годы после распада СССР. Нет никаких оснований допускать возможность кардинальной демобилизации и деактуализации этничности и в недалеком будущем. Более полутора тысяч общественных объединений, действующих в РФ на основе этнокультурной или национально-политической идеологии, под знаменами «этнического возрождения», – убедительное тому подтверждение.

Несмотря на обилие дефиниций, четкого определения этничности не существует. Каждому автору в этничности видится что-то свое. В переводе с американской стандартной системы обозначений на русскую этничность обозначает приблизительно то же самое, что и национальность, с соответствующим выделением личностного и группового уровней.

Вместе с тем понятийный аппарат этничности в русском языке разработан чрезвычайно слабо. В связи с чем есть смысл рассмотреть три аспекта этничности: **понятийный**, допускающий различные уровни понимания и мотивации этничности (практические, административные, эвристические и методологические); **контекстуальный**, представляющий исторические, политические, психологические и классификационные элементы развития этничности, выдвигающиеся в центр внимания при ее содержательном анализе; **парадигматический**, позволяющий раскрыть намерения заинтересованных лиц и организаций, исходящих из преимущественно географических, биологических, эволюционных или трансформационных теорий этничности.

Этничность, используемую для достижения общих целей в широком диапазоне – от политических до социально-культурных, – уместно, на наш взгляд, называть мобилизованной этничностью, и надеяться, что ее систематическое изучение станет перспективным направлением этнологии.

Индикаторами, символами или маркерами для пробуждения этничности, а соответственно, и знаменами этнической мобилизации и утверждения этнической идентичности могут служить как объективные, так и субъективные явления: язык, религия, наследие предков, элементы материальной и духовной культур, а также мифологизированные представления о генетическом общем происхождении, о «золотом веке», об исконной территории и т.п.

Мобилизация и деинфантилизация этничности нуждается в идеологии, ресурсах, механизмах, мобилизаторах и лидерах. Особая роль в этом процессе принадлежит этническим лидерам и мобилизаторам (или этническим предпринимателям, «возрожденцам» – по другим квалификационным терминологическим системам), которые с особым рвением принимаются за насаждение этнической идеологии и символики путем удревления истории своего народа, придания уникального значения языку своей национальности, воспевания исконности прошлой и нынешней территории расселения, поисков «благородных» героев и этносов в

древней истории, борьбе с манкуртизмом и маргинализацией⁷. Лозунги и цели этнолидеров определяют масштабы, темпы и глубину этнической мобилизации, а с ее помощью, с одной стороны, качество формирующейся этнополитической элиты⁸, с другой, – глубину и степень самоопределения на личном и на групповом уровнях, что означает освобождение отдельных лиц и этнических общностей от группового и государственного иждивенчества.

В основе деинфантилизации этничности лежит ее мобилизация, вдохновляемая этническими лидерами и представляющая в обобщенной форме идеологию, теорию, политическую и социокультурную деятельность, ориентированные на утверждение этничности в качестве обоснования широкого круга социально-политических целей – от национальной государственности титульных наций до мер по обеспечению условий сохранения и развития самобытности различных нетитульных групп населения.

Важнейшим принципом демократизации, с которой деинфантилизация этничности совпала в целом по фазе, является переход от коллективизма, когда помыслы и деятельность человека формируются и проявляются под наблюдением и руководством государства, вербальных и текстурированных законов этнической общности, к индивидуализму, с характерной для него личной свободой человека, в том числе минимальной регламентацией его деятельности государством, или этнической общностью, к которой личность себя относит.

Словом, из разнонаправленных векторов демократизации с ее ориентирами на индивидуализм, и деинфантилизацию этничности, с ее нацеленностью на групповую солидарность, появилась основа для нового глубинного противоречия. Сотрудничество и взаимодействие между демократизацией и этнизацией в период распада СССР обратились в свою противоположность, в межэтнические противоречия, конкуренции и соперничества, разгорающиеся до этнических чисток и конфликтов в нынешней постсоветской истории. Этническая мобилизация, осуществляемая в условиях политического и правового беспредела, в обществе без глубоких демократических традиций, нередко приводит к разрушительным межэтническим конфликтам, ответственность за разжигание которых вместе с политиками несут этнические лидеры (мобилизаторы). Роль последних становится особенно деструктивной в тех случаях, когда они наряду с позитивной деятельностью, способствующей росту этнического самосознания, укреплению основ этничности и сохранению самобытности народов, приспособляют ее для достижения своих корыстных целей в политической борьбе, в профессиональной мобильности или в социально-психологическом самоутверждении.

Анализ современного состояния и важнейших направлений исследовательских поисков в рамках антропологии как науки, изучающей физические различия между людьми, исторически сложившиеся в ходе их развития в различной естественной среде, дал основание Т.И. Алексеевой выделить важнейшие направления российской антропологии, в том числе антропогенез, расоведение, этническую антропологию и морфологию человека. Становление физической антропологии позволило по-новому подойти и к проблеме конституциологии. Появилась возможность изучения гормональной основы конкретных морфофенотипов, их «эндокринной формулы», а также поиска межсистемных корреляций эндокринных функций⁹.

Еще одно из важнейших направлений современной российской антропологии – изучение биохимического полиморфизма у человека. Исследование генетических маркеров с целью выяснения генофонда населения России и сопредельных стран в связи с изучением адаптивных процессов – вот основные задачи, стоящие перед антропогенетикой в настоящее время. По мнению Н.А. Дубовой, этническая антропология – самостоятельный раздел расоведения, предметом которого является изменчивость во времени и в пространстве особенностей физической организации представителей различных народов. Этническая антропология не ставит своей задачей отнесение индивидуумов к той или иной социальной общности на основании характеристик их внешности. Благодаря изучению исторической динамики антропологического типа населения она играет важную роль в определении тех компонентов, которые вошли в состав данного народа на разных этапах его существования¹⁰.

4. Этнологи и политики

Анализируя современную этнологию и особенно границы ее предметной области, замечаем, что она (и этнология в целом, и ее предметная область в частности) поворачивается в сторону политики. Такова реальность. Этот решительный поворот проявляется одновременно по нескольким направлениям.

Кроме работы двух специальных секций с докладами, в которых внимание было сконцентрировано на проблемах этнополитики (об этом особо ниже), в работе конгресса участвовали крупные политические деятели России, оказывающие непосредственное влияние на разработку концептуальных основ и инструментальных механизмов национальной политики. В первый день работы конгресса на утреннем

пленарном заседании с приветствиями выступили президент Республики Башкортостан М.Г. Рахимов, председатель Комитета по межнациональным отношениям Государственной Думы В.Ю. Зорин, президент Академии наук Республики Башкортостан Р.И. Нигматулин, заместитель министра Российской Федерации по делам национальностей и федеративным отношениям В.А. Бауэр.

С докладом «Национальный фактор в российской государственности» на этом же заседании выступил видный политик и ученый Р.Г. Абдулатипов.

Трудно избавиться от искушения пересказать содержание каждого из выступлений, но мы укажем лишь на две принципиальные вещи. Во-первых, на то, что инкорпорация политиков в научную проблематику не явилась, как в прежние времена, некоей интервенцией политиков в среду этнологов. Их выступления были встречены с пониманием и готовностью к диалогу. Во-вторых, выступления политиков (особенно это нашло выражение в пафосе выступлений М.Г. Рахимова и Р.Г. Абдулатипова) продемонстрировали глубокое понимание важнейшей роли, которую играет этнический фактор в условиях многонациональной России. Развивая эту мысль, М.Г. Рахимов, в частности, выделил две фундаментальные функции этнического фактора. С одной стороны, этот фактор «может стать огромной созидательной силой, объединяющей энергию и творческий потенциал всех ее народов», с другой стороны, при бездумном и не обоснованном подходе к национальным проблемам, этот же фактор «может породить и разрушительные процессы»¹¹.

Логикой подобного понимания роли этнического фактора соответственно был предопределен вывод о резком возрастании роли и влиянии этнологии на теорию и практику общественной жизни. Долг и задача этнологов вместе с экспертами сопредельных научных дисциплин всячески содействовать претворению в жизнь главного принципа национальной политики Республики Башкортостан, как и других республик Российской Федерации. Суть этого принципа, как сказал президент Башкортостана, состоит в «обеспечении представителям всех этносов, проживающих у нас (в Республике Башкортостан. – М.Г.), равных возможностей развития во всех сферах: языковой, образовательной, культурно-духовной, кадровой». Более того, если говорить конкретнее об учете этнического фактора в национальной политике Башкортостана, то это находит свое выражение «в представительности различных народов в государственных органах и при составлении планов и проведения экономического и социально-культурного развития республики, ее регионов»¹².

Состояние нынешней этнологии характеризуется не только вторжением политиков в пределы ее предметной области, но и противоположной тенденцией; т.е. этнологи и историки представляют квалифицированные оценки того, чем занимаются политики. С интересом был встречен в этом плане доклад Р.С. Хакимова (Казань) «Национальная политика в Российской Федерации».

В огромные перемены, которые произошли и продолжают происходить в России, этнографы внесли и продолжают вносить достойный вклад. Сегодня специалисты-этнографы работают во многих органах государственного управления во всех республиках и других субъектах Российской Федерации. Велика теоретическая и организационная роль их в создании более 1500 национально-культурных объединений, которые, по данным Министерства по делам национальностей Российской Федерации, успешно действуют в постсоветской России. Изданные Институтом этнологии и антропологии РАН документы и материалы этих объединений (более 70 томов), как уже указывалось, убедительно демонстрируют творческие возможности мобилизованной этничности, раскрепощенного самосознания. Иными словами, этнологи вносят серьезный вклад в обе формы национального самоопределения – государственную и разгосударственную. Обе эти формы были предусмотрены в Декларации о государственном суверенитете Российской Федерации 12 июня 1990 г. В этом документе указывалось, в частности, что одной из важных ее целей является «обеспечение каждому народу его неотъемлемого права на самоопределение в избранных им национально-государственных или национально-культурных формах».

5. Проблемы современной этнографии в свете структурных подразделений конгресса

Конкретный анализ содержания докладов, представленных на заседаниях более чем 19 секций, подсекций, круглых столов и специализированных заседаний, затруднен прежде всего тем, что не всегда удавалось зафиксировать ход дискуссии и получить стенографически полную отчетность о работе каждого из структурных подразделений большого конгресса. Однако отчеты руководителей секций, а также публикация тезисов, в том числе развернутых, позволяют выявить важнейшие тенденции и болевые точки развития этнологии, ее задач, проблематики и предметной области на данном этапе.

6. С высоты птичьего полета (о работе 1-й секции)

Работа секции (сопредседатели – С.А. Арутюнов, В.Н. Башилов, Р.Г. Кузеев), посвященной «общим проблемам этнологии», была построена таким образом, чтобы в творческой дискуссии обсудить как традиции отечественной этнографии и антропологии с докладами ученых из Москвы В.Н. Башилова, С.А. Арутюнова, Я.В. Чеснова, Н.А. Дубовой и Н.А. Томилова (Омск), так и с отражающими новейшие направления развития отечественной и особенно зарубежной этнологической мысли докладами С.В. Соколовского, А.А. Никишенкова, А.И. Элеза (все – Москва), М. Балзер (Вашингтон).

Высокая квалификация и эрудиция сторонников как традиционалистских, так и модернистских подходов, наглядно проявилась в реплике одного из участников жарких споров А.А. Никишенкова: «Когда я слушал доклад В.Н. Башилова, я наполнялся гордостью за нашу науку. Я понимаю Башилова, для которого этнография – это ЕГО наука, ради которой он готов жизнь отдать. Когда я слушал С.В. Соколовского, я понимал, что все, что он говорил, в том числе о худших традициях и условиях, в которых развивалась советская этнография (цензура, парадность, апологетика и обезличенность проблем и персон), – это ЕГО наука, которую он хотел бы улучшить и ради которой готов выметать сор из избы»¹³. Можно добавить к сказанному, что спор между традиционалистами и модернистами – это не столько буриданова проблема, противопоставляющая важнейшие направления этнологии, сколько непонимание многофункциональной роли этничности, заложенной в ней энергии и потенциальных возможных форм ее проявления от политики до психологии, от логики до экономики.

Именно поэтому особенно актуальны фундаментальные вопросы историографии, критики источников, совершенствования методики и инструментального оснащения этнологических исследований, о чем также шла речь на заседании секции.

Среди тезисов по общим проблемам этнологии и, в первую очередь, по проблемам идентичности и этногенеза народов, занимавшим центральное место в предметной области советской этнографии, особый интерес вызвали тезисы американского ученого Ф. Кола «Национальная идентичность и использование далекого прошлого на Кавказе»¹⁴. По мнению докладчика, советская наука понимает этнос как сложившуюся, четко оформленную группу, а для западных ученых – это нечто зыбкое, ситуационное, постоянно находящееся в процессе – либо формирования, либо распада. Поэтому бессмысленно искать среди археологических культур предков современных народов. Этногенез, как он формулировался в советской науке, является, по мнению Ф. Кола, псевдопроблемой. Более того, он считает, что использование концепции этногенеза ведет к опасному прецеденту – борьбе за землю и за славных предков между разными современными этническими группами, заявляющими о своем превосходстве над другими.

Анализ новейшей этнологической литературы дает основание для вывода о том, что под флагом критики прошлого, как советского, так и досоветского опыта, отрицательного отношения к достижениям отечественной этнографии, получившей мировое признание, нигилисты впадают в другую крайность. Не успев освободиться от идеологического давления, они тут же пытаются развернуть всю этнологию на службу политике и управлению. В итоге предметная область этнографии, накопившей серьезный опыт структурно-системного анализа, отбрасывается назад к примитивному функционализму, в свое время сыгравшему немаловажную роль в установлении колониальных порядков в завоеванных Западом странах.

7. Из глубины веков (о работе 2-й секции)

Из отчета, подготовленного А.А. Зубовым о работе секции «Исторический процесс и морфологическое разнообразие человечества» (чтения памяти проф. В.В. Бунака) (сопредседатели С.В. Васильев, В.Н. Звягин, А.А. Зубов, Р.М. Юсупов) следовало, что в течение двух дней секция провела пять заседаний: 1). Род Ното, его формирование и развитие; 2). Палеоантропология Евразии; 3). Этническая антропология Волго-Уральского региона; 4). Этнические аспекты экологии человека; 5). Новое в антропологической методике.

В ходе работы секции были рассмотрены такие важные аспекты антропогенеза, как возникновение и эволюция человека современного вида (М.М. Герасимова, С.В. Васильев, А.А. Зубов, все – Москва), проблема антропологических связей Сибири и Америки в древности (А.Г. Козинцев, А.В. Громов, В.Г. Можеев, все – С.-Петербург), вклад в этническую антропологию Волго-Уральского региона (Г.А. Аксянова, С.Г. Ефимова, Г.В. Рыкушина, Л.Т. Яблонский, С.Д. Нурбаев (все – Москва), И.Р. Газимзянов – Казань, А.Н. Багашев – Тюмень, А.А. Хохлов – Самара, Э.К. Хуснутдинова, Р.М. Юсупов, оба – Уфа). Выявились новые возможности сотрудничества с судебными медиками (В.Н. Звягин – Москва, Ш.М. Мусаев – Уфа),

сделаны новые шаги по усовершенствованию методики обобщенного портрета в антропологии (А.М. Маурер – Москва). Следует отметить доклад Н.Х. Спицыной (в соавторстве со В.А. Спицыным и Л.В. Бед, все – Москва), посвященный генетическим аспектам адаптации человека к высокогорью.

Состоявшаяся дискуссия позволила выявить значительный интерес антропологов к затронутым в докладах проблемам. Было обсуждено и принято Обращение участников сессии ко всем антропологам в связи с имевшимися в последнее время нападениями на этническую антропологию со стороны некоторых представителей смежных наук. Указано, что эти нападки не имеют под собой фактической основы.

8. Этногенез: миф или реальность? (о работе 3-й секции)

Сегодня народы нашей страны, как никогда ранее, хотят знать кто они, откуда пришли. На современном языке это называется познанием самих себя, своей сути, своей культуры.

Поэтому задачи конгресса, связанные с проблемой этногенеза, чрезвычайно полифункциональны – инвентаризация и анализ традиционных проблем и отдельных общественных институтов: расселение народов, материальная и духовная культура, семья и динамика численности народов, поведение и психология, традиционные занятия и народные знания, межэтнические контакты и взаимопроникновение культур, этническая и гражданская идентификация и, наконец, сам человек, как «мера всех вещей». Как показал в своем отчете председатель третьей секции по этногенезу и этнической истории В.А. Шнирельман, ее работа подтвердила, что этногенетическая тематика и ныне сохраняет свою актуальность.

Работа секции позволила выявить, что в изучении этнической истории отчетливо выделяются два подхода: а) традиционные исследования по этногенезу и этнической истории; б) анализ самих этногенетических исследований в контексте этнополитологии (какие цели ставят, какие исследования и какую роль они играют в обстановке подъема национальных движений).

Первый блок докладов представлен, с одной стороны, традиционными подходами примордиалистского характера (попытка проследить истоки этноса с древнейших периодов), а с другой – попытками переосмыслить имеющиеся данные, подвергнуть сомнению прежние схемы. В частности, поднимался вопрос о том, что могут дать археологические источники, как надо понимать древние этнонимы, насколько они соответствовали каким-либо этническим общностям, с какого рубежа можно начинать отсчет жизни этнических общностей вообще и отдельных общностей.

Развернувшаяся дискуссия показала важность выработки новых, более тонких методик. Так, например, шла речь об этноархеологии, становление которой заявляет о себе сейчас во многих регионах, особенно в Сибири (Москва в этом отношении отстает).

По второму блоку планировалось провести круглый стол, но сделать это не удалось из-за отсутствия многих докладчиков (правда, их тезисы были опубликованы), не сумевших изыскать возможность для приезда на конгресс.

Тем не менее разговор на эту тему (об этногенетических и этноисторических построениях в контексте современной этнополитической борьбы за территорию, за экономические и финансовые ресурсы, за суверенитет) состоялся. Участники дискуссии уделили особое внимание таким проблемам, как использование и интерпретация этноисторических ресурсов, роль этнографических музеев и коллекций, какие ассоциации пригодны для формирования новой национальной символики и т.п.

9. Между Сциллой патернализма и Харибдой сепаратизма (о работе 4-й секции)

О возрастающей роли этнического фактора в национальной политике, в процессах государственного строительства свидетельствовали как острая дискуссия, возникшая в работе секции (сопредседатели: В.В. Амелин – Оренбург, В.А. Тишков, Б.Х. Юлдашбаев – Уфа), посвященная «концепциям и механизмам национальной политики в Российской Федерации», так и политизированные выступления, предложения и замечания, включенные в отчет о работе секции.

В выступлениях политиков и экспертов по национальной проблематике выражалась надежда на то, что участникам конгресса удастся рассмотреть состояние этой предметной области этнологии и ассоциированных с ней междисциплинарных направлений. Постановка такой задачи объясняется серьезными переменами, связанными с распадом СССР и возникновением новых независимых государств. Подобно

этнографии, этнология, разумеется, должна продолжить систематическое изучение этнической истории, языка, культуры и быта народов, но вместе с тем, она должна постоянно держать в сфере своего внимания современные этнические процессы и этнополитические ситуации.

Подъем национального самосознания, использование его политиками – эти и другие новейшие реалии не могут быть выведены за рамки предметной области этнологии.

Уточнение этнологической проблематики необходимо в связи с резкой политизацией этничности и обсуждением проблем национального суверенитета и государственности, государственного языка и лингвизма, роли этнического фактора в политической борьбе и этнополитической ситуации.

Демократизация и утверждение правового общества требуют глубинных знаний, хорошей эрудиции и широкой информированности об этносах. Важный механизм консолидации народов и развития межнациональной солидарности – выявление, накопление и распространение этнополитических знаний. Цель конгресса в том и состояла, чтобы внести посильный вклад в решение этих задач. Рассматривая гражданские условия существования и жизнедеятельности «инородцев» в Сибири, а также ряд законодательных мер, которыми правительство царской России стремилось дать им некоторые права, известный исследователь Сибири Н.М. Ядринцев с пониманием дела писал о том, что проведение в жизнь эффективных мер по приобщению к «цивилизации» коренного населения, т.е. по налаживанию его взаимоотношений с государственным и органами его управления, невозможно «без точного исследования быта инородцев, одним канцелярским путем»¹⁵. Без научного анализа даже прогрессивное для своего времени «Уложение об инородцах. 1822» Сперанского, сделавшее попытку навести порядок в управлении инородцами путем разделения их на разряды сообразно их образу жизни и дать им некоторые гарантии самоуправления, не помогло самосохранению населения. Уступки инородческому обычному праву в конечном счете не дали положительных результатов. И, как отмечал Н.М. Ядринцев, «древнее самоуправление исчезало, старый общественный союз разрушался...»¹⁶. В годы советской власти императивы национальной политики, как и жизнь многих русских и других народов исторической России, шли сверху вниз, а не наоборот. Эту линию, идущую от государства к обществу, мы уже имели возможность назвать государственной, или, по досоветской традиции, казенной, национальной политикой, которая в отличие от гражданской, шла снизу вверх, когда она имела мало-мальский вес в системе зреющих общественных отношений. Среди предложений, рекомендованных участниками секции для включения в общую резолюцию конгресса, обращали на себя внимание чрезмерной политизацией следующие пункты: 1). В Башкирии необходим закон о языках (Казань); 2). Закон РФ «О национально-культурной автономии» не работает, так как Миннац РФ пустил его «на самотек» (Чебоксары); 3). Центр тяжести формирования механизма национальной политики надо переносить с администраций на национальные движения (Москва); 4). Необходимо создание Министерства по делам национальностей в Башкортостане (Уфа); 5). Отсутствует координирующая роль Миннаца РФ по формированию механизма реализации национальной политики (Чебоксары); 6). Миннац РФ не обобщает положительный опыт работы по гармонизации межнациональных отношений, накопленный на местах (Ижевск); 7). Граждане России являются заложниками манипулирования средствами массовой информации по проблемам межнациональных отношений (Ставрополь, Ижевск, Уфа); 8). Отсутствуют вертикальные связи между Центром и регионами. Миннац РФ не выполняет связующую роль координатора; 9). Провести научно-практическую конференцию «Региональный опыт по гармонизации межнациональных отношений» (Ставрополь, Ижевск).

10. Время и бремя этнологии (о работе 5-й секции)

В работе секции по этнополитике (сопредседатели Л.Л. Люпова, Уфа), Д.Ж. Валеев, Уфа, М.Н. Губогло, Москва) участвовал 21 докладчик. Особый интерес вызвали аналитические доклады, посвященные этнополитическим процессам, межэтническим противоречиям и конфликтным ситуациям в Абхазии (Г.П. Лежава, Москва) и в Мордовии (В.В. Маресев), в Марий Эл (В.Д. Шаров) и Татарстане (Г.Р. Столярова), в Кыргызстане (Э.Б. Элебаева) и Казахстане (С.Г. Казиев, Петропавловск), в Узбекистане (Р. Назаров) и Крыму (Э.М. Абдулаев), в Кабардино-Балкарии (С.И. Аккиева) и Башкортостане (Г.И. Ибулаев), а также проблемам этнической диаспоры (П.М. Алексеев, Москва); отражению этноконфликтных тем на страницах периодической печати (И.М. Габдрафиков, Уфа); об общих закономерностях колонизации в истории Башкортостана и Северной Америки говорил Р.Н. Зиннуров (Уфа), о проблемах насилия, военного и мирного урегулирования межэтнических конфликтов – О.В. Солопова (Москва); о логике взаимодействия

двуязычия и идентичности – М.М. Сотавова (Махачкала). В докладе Я.В. Чеснова «Отношения власти в чеченском обществе» была изложена проблема возрождения политической культуры чеченцев. Особое внимание при этом было обращено на гендерный механизм, в котором на женском полюсе сосредоточены признаки власти – ответственности. Этот тип явно доминирует над нормативной властью, представленной на мужском полюсе общества. Предложенная модель объясняет как историческое прошлое чеченского народа, так и самые современные события, включая войну 1994–1997 гг.

Особое внимание при анализе этнополитики было уделено ее правовой основе. Она, как правило, покоится на четырех китах: Декларации о государственном суверенитете Российской Федерации от 12 июня 1990 г., Декларации о государственном суверенитете республик Российской Федерации, Федеративном Договоре, Договоре Российской Федерации и республик как субъектов Российской Федерации о разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий. Перечисленные документы в своей совокупности, вместе с Конституцией РФ (12.XII.1993 г.), как подчеркивалось в ходе дискуссии, стали основой для качественного прорыва в федеративном устройстве России, для них характерно диалектическое сочетание неделимости как федеративного государства в целом, так и суверенных республик, входящих в его состав.

В то же время значение каждого из названных документов далеко неоднозначно воспринимается и трактуется политиками и учеными, и в центре и в республиках. Это объясняется постоянными перетягиваниями каната то в одну, то в другую сторону. Между тем в условиях реальной федерации власть центра и власть суверенной республики не может быть иерархичной, ни одна из них не может возвышаться над другой, доминировать и диктовать свои условия.

Неслучайно авторитетные социологические исследования, проведенные американскими и российскими учеными в 1993, 1995, 1996 гг. в Российской Федерации, в том числе в Башкортостане¹⁷, выявили последовательно возрастающее доверие населения к органам власти региона и падение этого доверия к власти центра. Так, например, летом 1995 г. положительное отношение к президентам Башкортостана, Дагестана, Кабардино-Балкарии, Татарстана, согласно данным представленных опросов, было в 3–5 раз выше, чем к президенту России, в 3–4 раза выше, чем к генералу Лебедю. В это же время внутри каждой из перечисленных республик положительное отношение и высокая степень доверия к «единонациональному» президенту были выше, чем к «инонациональному». Вероятно, эта тревожная тенденция связана с трудностями переходного времени.

Как показывает опыт, суверенизация республикам нужна прежде всего для реализации своего самобытного потенциала. Президент Башкортостана Муртаза Рахимов напомнил, что приватизация в республике проводится по собственной программе, которая отличается от общероссийской. Принципиальное несовпадение заключается в том, что в приватизированных предприятиях высока доля государства, которое имеет своего представителя в Совете директоров акционерного общества. Тем самым в Башкортостане сохраняются реальные рычаги воздействия на приватизированные предприятия.

Самобытный путь реформ в республике, самобытный путь отдельного народа, является чрезвычайно важным. Кому, как не самим хозяевам, лучше всего наводить порядки в своем доме.

Этнографы хорошо знают, что село больше, чем город, не терпит революционных преобразований и некомпетентного вмешательства. Здесь, на селе, все должно идти естественным путем. Главное при этом не допустить разорения села, дать ему возможность преодолеть переходное время без потерь. Именно в аграрной реформе надо учитывать конкретные местные условия и не бросаться скоропалительно выполнять рекомендации Москвы по ликвидации колхозов и совхозов.

Неслучайно на исходе 1995 г. в ходе упомянутого международного исследования, отвечая на вопрос анкеты об отношении к колхозам и совхозам, почти трое из четверых граждан России признали необходимым их сохранить.

Село для этнополитологии – это не только аграрный сектор и продовольствие, но и цитадель традиций и обычаев народа. Поэтому этнологи лучше, чем кто-либо осознают, что селу нужна программа социальной поддержки населения.

Из количественных особенностей складывается особое качественное свойство, которое называется самобытностью. Не исключено, например, что всесторонний учет самобытности народов, населяющих Башкортостан, привел к тому, что здесь, по данным социологических опросов, оценка общего направления дел в России оказалась более благоприятной, чем в целом по России, где около двух третей граждан в конце 1993 и 1995 гг. заявляло, что дела в России «идут в неправильном направлении». Значит, как говорят этнографы и социологи, поле удалось сохранить незасоренным.

Сразу же, как только Билл Клинтон стал президентом США, он обратился к американцам с емким и воспламеняющимся лозунгом: «Сегодня наступило наше время». Этот незатейливый на первый взгляд призыв вызвал огромный эмоциональный взрыв. Взрыв солидарности миллионов американцев. Политики, ученые и общественные деятели России готовы солидаризироваться с этнографами и антропологами в том, что сегодня наступило время солидарности народов и ответственности их друг перед другом. Таковым в целом был пафос дискуссии секции, посвященный этнополитике и этнополитологии. И именно поэтому участники секции не сочли возможным принять некоторые радикальные по содержанию резолюции, авторы которых безуспешно пытались превратить научный спор в митинговые манифестации.

Опыт работы и дискуссия, развернувшаяся на этой секции, подтвердили, что по мере изменения самой этничности, развития творческого потенциала народов, роста самосознания, выхода их на политическую арену раздвигаются горизонты и контуры предметной области этнологии. Этнология следует за развитием этничности, а не наоборот.

11. В согласии с душой народа (о работе 6-й секции)

В центре внимания этнической психологии как научного направления, сформировавшегося на стыке этнографии, психологии и социологии, находятся этнические особенности поведения и психики людей, факторы и закономерности формирования этнического самосознания, стереотипов и т.д., а также психологические аспекты межэтнических отношений.

Судя по имеющейся литературе, можно выделить ряд самостоятельных направлений: 1) сравнительные исследования этнических особенностей психофизиологии, когнитивных процессов, памяти, эмоций, речи и т.д., которые составляют неотъемлемую часть соответствующих разделов общей и социальной психологии; 2) культурологические исследования, направленные на выявление особенностей символического мира и ценностных ориентаций народной культуры, неразрывно связанные с соответствующими разделами этнографии, фольклористики, искусствоведения и т.п.; 3) исследования этнического сознания и самосознания, заимствующие понятийный аппарат и методы из соответствующих разделов социальной психологии, изучающих социальные установки, межгрупповые отношения и т.д.; 4) исследования этнических особенностей социализации детей, понятийный аппарат и методы которых ближе всего к этнопедагогике, этнографии, социологии и детской психологии.

В центре внимания шестой секции «Этнопсихология», как отметила ее председатель Л.М. Дробижева, находились проблемы этнической идентичности, представления и восприятие ценностей традиционной культуры и модернизационных инноваций, соответствия идеологии, формируемых этнической и политической элитой, и психологических установок в этнических и социальных группах, мифологизации исторического прошлого, проблемы межэтнических границ и реанимируемой этничности, потенциал гражданской идентичности и амбивалентности этнического самосознания, возможности психологической адаптации мигрантов в инонациональной и этнически родственной среде.

Все выступавшие, по мнению Л.М. Дробижевой, говорили об особенностях этнопсихологических исследований, осуществляемых в русле этносоциологии и этнологии, в отличие от реализуемых в рамках психологической науки. Этнопсихологи согласились с тем, что объектом их исследования, выполненного в рамках этносоциологии и этнологии, как правило, являются большие этнические группы, народы или значительные по массиву диаспоры. У них шире предмет исследования, и обычно он является практически направленным. Характерным также является рассмотрение всех этнопсихологических феноменов в широком историко-культурном и социально-политическом контексте, что далеко не всегда удается сделать этнопсихологам, работающим в русле психологии на небольших референтных группах, нередко в искусственно создаваемых, экспериментальных условиях.

12. По следам экологических катастроф (о работе 7-й секции)

Центральное место в работе секции (сопредседатели Г.А. Комарова, С.П. Поляков, А.Н. Ямсков, все – Москва), судя по опубликованным тезисам, прочитанным докладам и состоявшейся дискуссии, заняли вопросы изучения народных эмпирических знаний как фактора этноэкологической адаптации (Г.А. Комарова), народный медицинский опыт тунгусоязычных народов (Е.А. Гаер, Москва), общее и специфическое

в традиционной медицине финно-угорских и тюркских народов Среднего Поволжья и Приуралья (Л.И. Никонова, Саранск), наркологическая ситуация в районах Российской Федерации (С.П. Поляков, В.И. Бушков, оба – Москва), проблемы этнологического ландшафта (В.А. Иванов – Стерлитамак, П.А. Косинцев – Екатеринбург), экологических аспектов эволюции *Homo Sapiens* (А.В. Бородин, Ф.В. Кряжемский, оба – Екатеринбург), формирования экологического самосознания (Ф.Ф. Рамазанова, Уфа) и лингво-экологии (Р.Х. Халикова, Г.Н. Багаутдинова, обе – Уфа).

В ряде выступлений обращено внимание на то, что экологические катастрофы, сопровождающие становление современной цивилизации, оказывают губительное влияние на состояние этничности. Урбанизация и технологизация как дамклов меч нависают над духовностью, нравственностью, комфортным развитием человечества и отдельных этнических общностей.

Участники секции отмечали, что современный комплексный междисциплинарный подход к проблемам этнологии способствует формированию представлений о мире как о сложной системе, взаимосвязи которой выявлены и объяснены еще далеко не полностью. В этих условиях особый интерес представляет практика обращения к материалу эмпирических наблюдений, в частности к оригинальному традиционному опыту народов мира в области жизнеобеспечивающей деятельности.

Так, в докладе Г.А. Комаровой отмечалось, что за полвека существования в условиях повышенной радиации у населения Южного Урала сложилась определенная система эмпирических знаний, применяемых в практике выживания людей в условиях экоцида. Эта система обыденных знаний вырабатывалась путем: а) реставрации, возвращения из пассива в актив наиболее жизнеспособных традиций народной культуры жизнеобеспечения; б) сохранения и развития действующих этноконфессиональных норм и предписаний, наиболее полезных, по мнению жителей зоны, для здоровья людей; в) отказа от общепринятых, распространенных, но в условиях повышенной радиации признанных «вредными для здоровья» этнокультурных стереотипов; г) «изобретения новых традиций» и включения инноваций в контекст традиционной культуры. При этом только упорядоченные, понятные и доступные непосредственному опыту и проверке, актуальные и имеющие социальную значимость эмпирические знания способны войти в эту систему и пополнить ее содержание.

В докладах (И.М. Максимова – Стерлитамак, Ф.Ф. Рамазанова, А.С. Халфин – Уфа, А.Н. Ямсков – Москва) также была сделана попытка проследить соотношение системы эмпирических знаний и экологического мышления представителей разных этнических групп и определить, какие элементы экологических знаний имеют шанс стать частью экологического сознания людей.

13. Нужна ли этнология города? (о работе 9-й секции)

По мере возрастания роли этничности в вопросах политики и государственного обустройства происходит закономерное перемещение исследовательских поисков и направлений исследований из традиционной сельской среды в городские ареалы. Город «отнимает» у села значительную часть этнографической проблематики. Если судить по представленным заявкам, опубликованным тезисам, прочитанным докладам и состоявшейся дискуссии, секцию, посвященную городской этнологии, точнее было бы назвать секцией этносоциологии города. Более того, город является лишь своеобразным, отличающимся от села «полем» этносоциологии, изучающей этническое в социальном и социальное в этническом. Двумя ее важнейшими направлениями являются, как указывалось в литературе, с одной стороны, раскрытие социальной обусловленности этнических явлений: этнических черт культуры и быта, некоторые особенности ценностных ориентаций, норм поведения, обычаев, обрядов, языковой жизни и речевого поведения, национального самосознания, межличностных национальных отношений, выявление их специфики и интенсивности в разных социальных группах, с другой – раскрытие этнического разнообразия социальных процессов и явлений. Общие закономерности этнополитических процессов, характерных для всех народов России, не исключают этнических особенностей, которые реально проявляются даже в таких общих социальных явлениях, преимущественно связанных с экономической жизнью, как отраслевая занятость, безработица, профессиональная ориентация, миграция и во многих других сферах и ситуациях.

Этносоциология, иногда именуемая социологией этнических отношений, представляет собой пограничную научную дисциплину, возникшую на стыке этнографии и социологии в конце 1960-х годов. Она, как правило, ориентирована на выяснение механизма воспроизводства тех или других этнических явлений и различий, т.е. на установление того, как они функционируют и воспроизводят себя. В чем основа этого

воспроизводства, какие функции выполняют этнические явления и различия в целостном социальном организме – на эти вопросы призвана дать ответы этносоциология.

Участие в широкомасштабных этносоциологических исследованиях позволило Р.Р. Галлямову (Уфа), председателю девятой секции, предложить в докладе и в отчете о работе этой секции концепцию этнической социализации и эволюцию доминирующей роли факторов этнической самоидентификации среди жителей многонациональных городов Российской Федерации, и прежде всего на примере городов Башкортостана. А.М. Гафуров (Уфа) изложил материалы этносоциологического исследования, с помощью которых оказалось возможным раскрыть этнокультурные ориентации и этническую идентификацию башкирской части населения г. Сибая (Башкортостан). Социальные и политические последствия этнизации городов Башкортостана сделал предметом своего анализа М.Д. Киекбаев (Уфа). Особый интерес, в частности, вызвали его выводы о катализирующей роли мигрантов в процессах конкуренции на рынках труда, в обострении социальной и межнациональной напряженности в этой сфере, об отражении маргинализации социальной структуры населения города в развитии и функционировании этнической культуры горожан, об этнизации кадровой политики, в том числе неокоренизации государственного аппарата, ведущей в ряде случаев к дестабилизации этнополитической обстановки в Республике Башкортостан. Миграция как фактор изменения этносоциальной структуры населения г. Москвы, тщательно анализировалась в докладе Л.В. Остапенко и И.А. Субботиной (обе – Москва). Язык и речевое поведение городских башкир в семейно-бытовой сфере рассмотрел Ю.Х. Юлдашбаев (Уфа). Опираясь на данные российско-американских исследований, проведенных в начале 1997 г. в столицах 16 республик Российской Федерации, Е.М. Губогло (Москва) сделала вывод о борьбе двух тенденций, одна из которых характеризовалась разрушением советской системы ценностей и идентичности, а другая – возникновением представлений о новых идентичностях.

14. Архаичный синдром (о работе 10-й секции)

На секции «Социальная организация и структура этноса» (председатель Ю.И. Семенов) было заслушано восемь докладов. С целью обеспечения эффективности работы секции все доклады были сгруппированы тематически. Первую группу составили доклады, посвященные проблемам родовой организации: 1). О.И. Артемова (Москва) «Структурный, функциональный и стадийный подходы к проблеме родовой организации»; 2). Е.П. Батянова (Москва) «Алтайский сеок как социальный институт»; 3). В.А. Попов (С.-Петербург) «К проблеме пересмотра родовой теории: традиционные родственные институты аканов (Западная Африка) в исторической перспективе». Кроме того, в двух докладах рассматривались судьбы традиционной крестьянской общины: Г.А. Никитиной (Ижевск) «Общинная корпоративность удмуртских крестьян в новых исторических условиях (начало 30-х годов)» и Н.А. Халиковой (Казань) «Этносоциальные особенности хозяйства субэтносов волжских татар». Два доклада носили этносоциологический характер: Е.М. Аллагуловой (Стерлитамак) «Социально-этническая структура населения автономных республик Поволжья и Приуралья в 30–50-е годы XX века» и Р.М. Ахметова (Казань) «Социальная структура татар в 1960–1980-х годах». Несколько особняком стоял доклад Ф.А. Шакуровой (Уфа) «К проблеме вариативности перехода кочевников к оседлости и земледелию». Особый интерес в ходе дискуссии вызвала новая постановка проблем родовой организации. По этому докладу были высказаны различные точки зрения, но в целом участники пришли к выводу, что хотя развитие родственных отношений в разных обществах отличалось значительным своеобразием, но от понятия рода отказываться оснований нет. Обсуждены были и проблемы эволюции крестьянской общины. При рассмотрении проблем родственных организаций и соседских общинных структур, участники обратили внимание на происходящее в настоящее время возрождение и тех, и других, что получило название «архаичного синдрома».

15. Психологическая усталость (о работе секции 11 «Материальная культура этноса»)

В советском прошлом осталась обширная часть предметной области этнографии, ориентированная на репрезентативное картографирование элементов материальной культуры народов. Энергоемкие этнографические атласы, владевшие в 1950–1960-е годы умами и планами многих этнографов, сегодня относительно слабо востребованы нынешними политиками, мобилизованным этницизмом, потребностями

государственного обустройства, а также скудными финансовыми возможностями. Из 29 заявок на доклады по материальной культуре лишь три автора (В.А. Барадулин, Е.И. Тагиева, А.Н. Жилина) были из Москвы. Остальные авторы представляли научные и учебные центры разных городов Российской Федерации. Вернулась на круги своя старая дискуссия о своеобразном взаимодействии столичных и нестоличных этнографов, когда первые специализировались на теоретических, а вторые – на прикладных вопросах и сюжетах. Однако отсутствие во второй группе авторов-москвичей никоим образом не служит показателем ненужности этой проблематики. Наоборот, кому как не специалистам по регионологии, как это видно из представленных заявок, своими научными изысканиями помогать возрождению традиционного хозяйства (Л.К. Бериашвили – Тбилиси, А.Г. Бехтер – Омск, М.М. Зайнуллин – Уфа, М.Г. Муллагулов – Уфа, Т.А. Невская – Ставрополь), земледельческого опыта (Ф.Ф. Болонев – Новосибирск), совершенствованию поселений, жилищ, одежды и других элементов материальной культуры (В.Н. Денисенко – Сыктывкар, Э.Г. Касимова – Киров, В.Г. Кудрявцев – Йошкар-Ола, Л.Г. Кузнецова, Г.Р. Кутушева обе – Уфа, А.Ю. Майничева – Новосибирск, Т.А. Масленникова – Уфа, Р.Г. Мухамедова – Казань, П.А. Орлов – Ижевск, И.Г. Петров, Е.Е. Петрова, Р.Р. Садилов – все Уфа, И.Ю. Трушкова – Казань), возрождению декоративно-прикладного искусства (А.Н. Павлова – Йошкар-Ола, Ф.М. Фаткуллина – Омск, И.Г. Филатова – Уфа), выявлению самобытности и индивидуальных особенностей отдельных народов и этнических групп отраженных в материальной культуре (В.В. Вершинин – Волжский, А.В. Карноухов, И.В. Логкин – оба Омск, С.В. Суслова – Казань). Исследование элементов материальной культуры, имеющих свои особенности и представляющих часть предметной области современной этнологии, имеет не только самостоятельный характер. Как отмечалось на заседаниях конгресса, эти исследования позволяют, во-первых, проследить, как возрождаются угасающие художественные традиции, во-вторых, способствуют сохранению менталитета народов России, укреплению их духовности, в-третьих, предотвращают ассимиляционные процессы, особенно там, где они приобретают болезненный характер, в-четвертых, позволяют выявлять и раскрывать общие связи, сложившиеся на базе многовековых контактов и традиций, и способные занять достойное место в ряду политических технологий по снятию межнациональной напряженности и преодолению межэтнических конфликтов.

16. Этнос и религия (о работе секции 13)

Из 33 заявленных докладов было заслушано 14. В отчете о работе этой секции, представленном ее председателем Н.Л. Жуковской (Москва), указано, что в соответствии с программой были проведены два заседания, посвященные проблемам: 1) православия и старообрядчества на территории России; 2) буддизма, шаманизма, языческим культурам на пространстве бывшего СССР. Поскольку не имеет смысла останавливаться на содержании каждого доклада, стоит акцентировать внимание на том, что их объединяет: 1) возрастание интереса к религии во всех стадияльно ранних и поздних проявлениях; 2) четко выраженная позиция, что каждая религия, будь то буддизм, христианство, ислам, шаманизм и даже ранние языческие культы, – это не просто идеологические системы, а часть культуры не только отдельных этносов, но и человечества в целом; 3) возрождение языческих культов у многих народов России – это возвращение народа к своим первоисточкам, в которых изначально были заложены гуманистические, экологические, нравственные основы гармоничного союза этноса и природы, частью которого он себя считал; 4) в порядке рекомендации участники секции приняли решение, что следует отличать настоящее язычество от псевдоязычества как его модернистской модификации и помнить, что все реконструкции языческих реалий должны быть основаны на грамотных научных исследованиях, иначе они будут всего лишь дешевой спекуляцией на исторической памяти народа.

17. Призраки исламского фундаментализма (о работе секции 14)

На секции (сопредседатели С.М. Червоная (Москва), А.Б. Юнусова (Уфа)), выступили с докладами 8 человек, с сообщениями и репликами в дискуссии 12 человек, были зачитаны три доклада участников, которые не смогли прибыть на конгресс: Ч. Аккая (Эссен, Германия) – «Мусульмане тюркского происхождения в современной Германии»; В.Ю. Ганкевич (Симферополь) – «Исламский фактор в крымско-

татарском национальном движении после 1991 года»; С. Ходжаш (Москва) – «Исламские мотивы в собрании коптских тканей в Государственном музее изобразительных искусств им. Пушкина».

Основное внимание, в соответствии с программой секции, как следовало из отчета С.М. Червонной, было уделено мусульманским регионам Российской Федерации – Башкортостану и Татарстану, важнейшим зонам Северного Кавказа, очагам исламской культуры в Сибири. В то же время некоторые важные параллели с исторически сложившимися мусульманскими регионами и вновь формирующимися анклавами мусульманских меньшинств в Восточной, Центральной и Западной Европе, приводимые в докладах и выступлениях, позволили расширить геополитическое поле научной дискуссии.

Философские основы этики суннитского ислама в свете современной теории уподобления были отражены в докладе М.В. Иордана (Москва). Политологический ракурс отечественного исламоведения остро обозначился в докладе А.Б. Юнусовой (Москва) «Особенности функционирования ислама в Башкортостане», в котором была убедительно доказана беспочвенность опасений в отношении распространения исламского фундаментализма в данном регионе, где для него нет ни социально-политической, ни этнопсихологической почвы. В докладе Г. Емельяновой (Бирмингем, Великобритания) рассмотрены проблемы этногенеза волжских татар и формирования татарской нации, основных концепций национального возрождения; дан критический анализ теории и практики национализма, евразийства, особого пути развития народов Великой Степи.

В значительной части докладов отражены результаты полевых исследований этнографов, социологов, искусствоведов, занимающихся современной мусульманской культурой, народами исламизированного региона, исламским искусством и сакральной архитектурой. Многие факты, приведенные в докладах, например, итоги социологических опросов среди сельского и городского населения Татарстана (доклад Р.Н. Мусиной (Казань) «Реисламизация татар как форма религиозного национализма»), наблюдения за важнейшими изменениями в области семейно-бытовой обрядности мусульман (доклад Р.К. Урузмановой – Казань), носили характер открытий, впервые представленных на обсуждение научной общественности. В этом ряду особый интерес представлял доклад молодого исследователя из Казани А.К. Ахметшиной «Художественный облик и декор современных мечетей», в котором впервые был проанализирован ряд памятников, сооружаемых в наше время и мобилизирующих творческую мысль художников и архитекторов на формирование современного стиля исламской художественной культуры, на активное включение исламской символики в новое градостроительство, в урбанистику российского Востока рубежа XX–XXI веков.

Эстетика ислама и ее преломление в народной башкирской культуре были подвергнуты структуралистскому анализу в докладе З. Имамудиновой (Уфа) «Башкортостан: модель культурного развития». Широкая панорама современного мусульманского искусства в России и обобщение важнейших направлений адаптации массовым этническим сознанием и элитарным художественным творчеством эстетики суннитского ислама даны в завершающем работу секции докладе С.М. Червонной «Эстетика суннитского ислама и ее выражение в искусстве народов России».

Важно отметить, что специальная секция «Ислам в России», впервые сформированная и включенная в программу конгресса, свидетельствовала о важных сдвигах в подходе к исламу как феномену не только религиозной жизни и религиозного мировоззрения, но и культуры, этничности, как к серьезному фактору национальных движений и политической борьбы. Этот подход, похоже, открывает перспективное направление дальнейших исследований в рамках этнологии и антропологии. Есть основания надеяться, что работа подобных секций (судя по интересу, проявленному к ней учеными разных стран, разных поколений и представителями разных гуманитарных научных дисциплин) станет традиционной при проведении конгрессов этнографов и антропологов.

18. Семья в зеркале этнологии (о работе секции 15)

Для участия в секции 15 «Семья и этнос» (председатель – А.Е. Тер-Саркисянц) было заявлено 15 докладов, но состоялось только 8. Представленные доклады, основанные преимущественно на собранных их авторами полевых этнографических, этносоциологических, статистических материалах, были посвящены различным аспектам института семьи. При этом современной семье были посвящены 6 докладов (Г.П. Анашкиной, С. Лаллукка, М.В. Мурзабулатова, Р.Н. Сулеймановой, Л.П. Шабалиной, А.Е. Тер-Саркисянц), традиционной – 2 (Ю.В. Аргудяевой и С.Д. Николаева). Доклады вызвали оживленную дискуссию и предложение провести специальный семинар.

В связи с актуальностью проблем современной брачно-семейной ситуации, башкирскими коллегами было высказано пожелание о целесообразности образования в рамках АН Башкортостана особого отдела «Семья и брак».

19. Неиссякаемый источник вдохновения (о работе секции 16)

Женщина, ее статусная роль, положение в семье и обществе, ценностные ориентации, взаимоотношения с мужчинами, любовь, привязанность к домашнему очагу, рождение и воспитание детей, как и истории женщины в целом, всегда были и останутся неиссякаемым источником вдохновения для многих поколений этнологов, демографов, социологов, психологов и других представителей гуманитарного знания. Неистощимый интерес к гендерной проблематике и этнографии детства подтвердился в ходе работы секции (сопредседатели Ф.Ш. Абсаликова – Уфа, И.М. Семашко – Москва). Было заслушано и обсуждено 14 докладов. Докладчики: этнографы, психологи, социологи, антропологи, педагоги – представляли научно-исследовательские и учебные коллективы Уфы, Новосибирска, Тобольска, Ижевска, Москвы, С.-Петербурга. Многие доклады были основаны на полевых материалах.

Несмотря на то что гендерная проблематика, по словам И.М. Семашко, была впервые структурно оформлена на Уфимском конгрессе, гендерный подход к исследованию общества как организованной модели социальных отношений между мужчиной и женщиной давно присутствует в культурной антропологии (этнографии). В докладах были затронуты такие сюжеты, как гендерные роли, стереотипы, гендерная идентичность в разных этнических средах как у народов России, так и зарубежных стран (Швеция, Индия). Особый интерес вызвало обсуждение основных направлений и методов, существующих в гендерных исследованиях, включая «женскую историю» (Womans History), «женские исследования» (Womans studies), представленных в докладе Н.Л. Пушкаревой (Москва) «История женщины и гендерный подход к анализу прошлого в контексте проблем социальной антропологии (основные итоги и направления исследований 1970–1980 годов)».

В докладах Г.Ф. Ахметовой (Уфа) «Городская среда как фактор формирования новых ценностных ориентаций башкирской женщины»; Е.А. Сорокиной (Москва) «К изучению роли женщины в современных шведских гендерных исследованиях»; А.Н. Седловской (Москва) «Статус женщины-адивасы в контексте модернизации индийского общества» подчеркивалась актуальность и прикладное значение результатов гендерных исследований в решении конкретных социально-экономических проблем в обществе.

Несколько докладчиков затронули проблемы этнографии детства, вопросы социализации детей в разных этнических средах, в том числе начального периода жизни, проблемы социального взаимодействия в детских коллективах и поведенческих стереотипов. Это московские и петербургские ученые М.Л. Бутовская, А.Г. Козинцев («Агрессия и постконфликтное взаимодействие у младших школьников г. Москвы»); Э. Гучинова, М.Л. Бутовская, О.Ю. Артемова («Гендерные стереотипы у младших школьников Калмыкии: традиции и современность»); а также ученые из Казани Р.Р. Ильясов («Роль игровой деятельности в формировании человеческой общности») и А.Г. Абсаямова «Ребенок и культурное воспитание детей в различных национальных средах».

В центре внимания некоторых выступивших были переходные обряды, символизирующие изменение социального возрастного статуса. В докладе Г.В. Любимовой затрагивались проблемы статуса переходных обрядов в восточно-славянской культурной традиции и их места в системе традиционной обрядности в целом. Трансформационные обряды, связанные с ранним периодом жизни человека отразились в докладах Д.А. Баранова (С.-Петербург) «Незнакомые дети», О.О. Дренковой (С.-Петербург) «Социальное рождение у северных хантов». И, наконец, гендерным аспектам семейной обрядности были посвящены доклады И.М. Семашко – на примере народов Индии, Л.С. Христолюбовой (Ижевск) – «Женские обряды удмуртов».

Гендерный анализ игрового фольклора башкир был продемонстрирован в докладе Ф.Ш. Абсаликовой (Уфа) «Мифологические сюжеты и образы в игровом фольклоре башкир».

Обсуждение докладов показало, что существует необходимость дальнейшей разработки этногендерных исследований, прежде всего вопросов теории и методологии. Гендерный подход позволяет значительно расширить возможности традиционных направлений, гуманитарного знания – социологии, истории, этнологии, антропологии, демографии, экономики, давая новый импульс исследования и прошлого и настоящего.

К сожалению, этнопедагогика как наука, изучающая национальные традиции воспитания, существующая в народе столько же веков, сколько существует сам народ, была слабо представлена в предметной области советской этнографии. Между тем предмет этнопедагогике, включает в себя: 1) основные педагогические понятия народа (уход, воспитание, самовоспитание, перевоспитание, наставление, обучение, учение, приучение); 2) ребенок как объект и субъект воспитания (родное дитя, сирота, приемыш, ровесники и друзья, чужие и посторонние дети, детская среда); 3) функции воспитания (подготовка к труду, формирование нравственных черт характера, развитие ума, забота о здоровье, привитие любви к прекрасному); 4) факторы воспитания (природа, быт, обычай, искусство, труд, религия, родное слово); 5) методы воспитания (убеждение, пример, требование, приказ, разъяснение, поверье, приучение и упражнения, пожелание и благословение, заклинание, клятва, просьба, совет, намек, одобрение, упрек, укор, уговор, запрет, угроза, проклятие, брань, побои); 6) средства воспитания (потешки, считалки, загадки, пословицы, поговорки, песни, сказки, легенды, предания и т.д.); 7) идею совершенства человеческой личности и ее реализации в системе народного воспитания (взаимосвязь сторон воспитания); 8) организация воспитания; 9) педагогическую роль коллективных форм жизнедеятельности людей; 10) народных воспитателей.

Более того, в формировании этнической идентичности, этничности, народная педагогика, как совокупность эмпирических сведений и знаний по вопросам воспитания, как устное педагогическое творчество народа играет большую роль в сохранении и распространении механизмов и средств воспитания и обучения в их взаимной связи, педагогических навыков и приемов, применяемых в целях привития личности качеств, желательных народу.

20. Этнологические знания в массы (о работе секции 18)

На секции «Этнология в вузе и в школе» (сопредседатели В.В. Пименов, Е.П. Бусыгин) прочтено шесть докладов: Е.П. Бусыгина (Казань), А.В. Гадло (С.-Петербург), Т.С. Гузенковой, Н.И. Григулевич (обе – Москва), Е.П. Мартыновой, И.М. Назаровой (Ставрополь), отличались глубоким содержанием и ясной постановкой вопроса. Все докладчики и участники оживленной дискуссии высказались и обменялись опытом по вопросам работы в школах и со школьниками и пришли к выводу о том, что работникам вузов и школ следует более регулярно обмениваться опытом. Для включения в общее решение конгресса участники секции предложили следующие резолюции: 1. Конгресс выступает в пользу включения этнологии в качестве отдельного учебного предмета в учебную программу средней общеобразовательной школы; 2. Конгресс обращает внимание и указывает на необходимость подготовки учителей-этнологов, учебников для школьников и учебных пособий для учителей, а также наглядных пособий (учебных карт, слайдов, и т.п.); 3. Конгресс поручает новому руководству Ассоциации этнографов и антропологов России довести предшествующие пункты до сведения Государственного комитета по образованию Министерства по делам национальностей и федеративных отношений РФ, а также их органов в Москве, С.-Петербурге и других субъектах Федерации.

21. Сухой остаток (вместо заключения)

Уфимский конгресс этнографов и антропологов стал достоянием истории. Его конкретные результаты проявят себя в новых исследованиях, открытиях, заявках на гранты, проектах, практических рекомендациях. Иными словами, его позитивные итоги проявят себя в новых усилиях этнологического сообщества в том, чтобы этнополитическая ситуация в России и в ее регионах завтра стала более благополучной, чем вчера и сегодня, отношения между народами стали более комфортными, дружественными и творческими.

Этнография как наука имеет две стратегические задачи: **познавательную**, состоящую в том, чтобы изучать, знать и понимать народы, помогать им в развитии их культуры, языка и самобытности, и **управленческую** – смысл которой сводится к урегулированию отношений между государством и населяющими его народами. Понятно, что вклад этнологии в познание, политику и практику может быть продуктивным и полезным только в том случае, если ряды этнографов пополнятся представителями самих народов. Неслучайно развитие отечественной этнографии не было бы полноценным без творческого вклада казаха Чокана Валиханова, бурята Доржи Банзарова, хакаса Н.Ф. Катанова, черкеса Хан-Гирея, кабардинца Шора Ногмова и многих других. Предыдущие и нынешний конгресс как представительные

форумы советской и постсоветской этнологии подтверждают большую роль этнографов, вышедших из среды своих народов и привносящих огромный вклад в изучение происхождения и этнической истории этих народов, расселения, социального состава, материальной и духовной культуры, самосознания и, наконец, в национальное движение и возрождение. Сегодня в ходе реформирования и модернизации России роль и значение этнографических знаний значительно повышается. При этом знания, профессионализм, компетентность этнографов нужны как в центре, так и на местах, как в теоретическом, так и в прикладном аспектах. Законодатели, политики и практики нуждаются в знании не только этнической истории и происхождения народов, но и многих аспектов их современной системы жизнедеятельности. Самобытность и этническая специфика народов входят в поле зрения не только этнологии, но и других наук. На стыке с этнологией сформировались **этносоциология**, изучающая взаимодействие социально-профессиональных и этнокультурных явлений, **этногеография**, позволяющая иметь точное представление о расселении народов, **этнопсихология**, характеризующая межэтнические установки, этнические стереотипы, процессы роста национального самосознания, **этнолингвистика**, развертывающая панораму языкового родства народов, и ряд других областей знания. В последние годы на одно из приоритетных мест в системе научных направлений выдвинулась **этнополитология**, изучающая взаимоотношения государства и его народов. В золотой фонд этого нового направления войдут более 100 докладов, изданных Институтом этнологии и антропологии РАН в серии «Неотложная этнология», а также документы и материалы, освещающие историю, идеологию и практику национальных движений в СССР и в постсоветском пространстве. Все добываемые этнографами и представителями смежных наук сведения о народах бесценны. Однако политикам, по их собственному признанию, особенно недостает знаний о правовых аспектах жизни и взаимодействии народов в их прошлой и современной истории. Для того чтобы составить «Уложение» при царе Алексее Михайловиче в 1649 г., «Устав об управлении инородцев» в 1822 г., был мобилизован огромный этнографический материал. Так, например, сибирская администрация по приказу генерал-губернатора М. Сперанского собирала через местных «родоначальников» этнографическую информацию о юридических обычаях, образе жизни тех или иных народов Сибири. И хотя составители этих документов отнюдь не излагали все то, что они знали о народах России, они, во-первых, исходили «из степных законов и обычаев, каждому племени свойственных», во-вторых, использовали эти сведения, для того чтобы установить правовые нормы и определить, «как нужно поступать по Закону».

Этнографы вместе с представителями других научных дисциплин сыграли важную роль в разработке закона «О национально-культурной автономии», принятого Госдумой и подписанного президентом Б.Н. Ельциным 17 июня 1996 г. Более того, они внесли существенный вклад в создание «Концепции Государственной национальной политики». Эта большая работа велась совместно с руководством Сенежского форума и его бессменным председателем Р. Абдулатиповым.

Этнография накапливала сведения о народах в течение многих веков. Как особая самостоятельная научная дисциплина, с ее характерным историзмом, она сформировалась к середине XIX в. и к настоящему времени располагает огромным информационным материалом о народах мира. Достаточно напомнить о 17-томной серии этнографических очерков «Народы мира», не имеющей аналогов в мировой науке, но опирающейся на добротные традиции отечественной этнографии. Из коллективных изданий и популярных серий дореволюционного периода, можно отметить, в частности, «Народы земли», т. 1–4, 1903–1911, «Народы России» (1905); «Великая Россия» (1912) и, наконец, многотомное издание, рассчитанное на подготовленного читателя «Россия», увидевшее свет под редакцией П.П. Семенова-Тян-Шанского. Сегодня общественность ждет выхода в свет 30-ти томной серии «Народы и культуры России», первый том которой, в виде фолианта, посвященного русскому народу, только что опубликован.

На конгрессе отмечалось, что современные этнополитические материалы, собираемые и издаваемые этнологами, к сожалению, мизерными тиражами, необходимо переиздать, чтобы сделать доступными более широкому кругу читателей. Надо, чтобы эти издания стали настольными книгами нынешних политиков, в той или иной мере сталкивающихся с национальной проблематикой, с проблемами взаимоотношения Центра и субъектов Российской Федерации, с проблемами реализации принятых законов и программ национального возрождения.

Важно поддержать этносоциологические исследования, осуществляемые Институтом этнологии и антропологии РАН в регионах России совместно с учеными из республик РФ и коллегами из разных стран. Так, например, анализ представлений граждан России о важнейших проблемах внутренней и внешней политики позволил сделать фундаментальные выводы, во-первых, о глубоком расколе российского электората, во-вторых, о наметившемся повороте в неоконсерватизму, что видно, в частности, из побед

КПРФ и ЛДПР на двух парламентских выборах 1993 и 1995 гг., в-третьих, о преобладании сходства в представлениях русских и нерусских народов по вопросам внешней политики по сравнению с различающимися представлениями по вопросам внутренней политики. Сказывается следствие былого единства. Принципиальное значение для учета в выработке курса внутренней политики имеют, в частности, выявленные в указанных исследованиях ИЭА РАН тенденции роста числа граждан, недовольных нынешним общим направлением дел в России, устойчивое распространение синдрома колхозно-совхозного фундаментализма, негативное отношение к купле-продаже земли как к ключевому звену реформ в аграрном секторе, сохранение в общественном мнении отрицательной оценки распада СССР, признание главных ценностей в демократии, прежде всего таких (в убывающем порядке), как законность и правопорядок, свобода личности, власть народа, частная собственность и учет интересов меньшинства. Вместе с тем, как показали исследования, большинство населения не желает обратно в СССР и ориентировано на постепенный переход от плановой к рыночной экономике, при некотором сокращении доли радикально настроенных граждан, т.е. тех, кто ратует за форсированный переход. Имеет смысл продолжить выявление и анализ масштабов и факторов, формирующих у широких слоев населения негативные оценки ряда ключевых проблем во внешнеполитической деятельности России. Нарастающее беспокойство граждан по поводу расширения НАТО на Восток, разочарование в искренней заинтересованности Запада оказать реальную помощь России в модернизации, осознание наличия внешней угрозы безопасности России, недоверие к целям Запада и к иностранным инвестициям пробуждают в российском электорате настроения изоляционизма, протекционизма и согласие с увеличением расходов на оборону, несмотря на тяжелейшее положение в экономике и в личном благосостоянии. Словом, деинфантилизация бывших советских граждан и непрерывающаяся мобилизация этничности расширяют границы предметной области этнологии, побуждают ее двигаться наперегонки со временем.

Примечания

¹ Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997.

² Tishkov V. Ethnicity, nationalism and conflict in and after Soviet Union. The Mind flame. London; New Delhi, 1997.

³ Амелин В.В. Вызовы мобилизованной этничности. Конфликты в истории советской и постсоветской государственности. М., 1997.

⁴ См. подробнее: Тишков В.А. Современная Россия и Российская этнология: Второй международный конгресс этнографов и антропологов. Ч. 1. Уфа. С. 23–27.

⁵ Губогло М.Н. Переломные годы. Том I. Мобилизованный лингвизм. 1993.

⁶ Прежде всего имеет смысл выделить серию масштабных по охвату и глубоким по содержанию исследований, проведенных под руководством Л.М. Дробижевой: Конфликтная этничность и этнические конфликты. М., 1994; Суверенитет и этническое самосознание: идеология и практика. М., 1995 и др.

⁷ Губогло М.Н. Энергия памяти. О роли творческой интеллигенции в восстановлении исторической памяти. М., 1992.

⁸ Говорит элита республик Российской Федерации. 110 интервью Леокадии Дробижевой. М., 1996.

⁹ Алексеева Т.И. Новые направления исследований в российской этнологии // Второй международный конгресс этнографов и антропологов. Уфа, 1997. С. 17–18.

¹⁰ Дубова И.А. Еще раз о предмете, задачах и методе этнической антропологии // Там же. С. 29–30.

¹¹ Советская Башкирия. 1997, 3 июня.

¹² Там же.

¹³ Международный проект «Урегулирование конфликтов в постсоветских государствах». Бюллетень № 3 (14), август 1997. С. 64.

¹⁴ Второй международный конгресс этнографов и антропологов. С. 31.

¹⁵ Ядрищев Н.М. Сибирь как колония. СПб., 1882. С. 108.

¹⁶ Там же. С. 108.

¹⁷ Подробно см.: Губогло М.Н. Развивающийся электорат России. Этнополитический ракурс. Т. 1. Истоки. М., 1996.